

Научная статья / Article

УДК 903.27

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(1\).-03](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(1).-03)

ЛИЧИНЫ МОХОВСКОГО ЛОГА И ПАМЯТНИКИ ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ГОРАХ ОГЛАХТЫ

Елена Александровна Миклашевич

Институт археологии РАН, Москва, Россия;
Кузбасский музей-заповедник «Томская Писаница», Кемерово, Россия;
elena-miklashevich@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3190-0311>

Резюме. В статье рассматриваются наскальные, статуарные и погребальные памятники окуневской культуры эпохи бронзы, известные на территории горного массива Оглахты, крупнейшего археологического комплекса Хакасии. Среди огромного количества разновременных наскальных изображений в Оглахты пока лишь единичные можно отнести к окуневской культуре, известной своим искусством. Автор вводит в научный оборот и подробно характеризует изображения личин на скалах недавно открытого местонахождения Моховский Лог; рассматривает проблемы культурно-хронологической атрибуции этих личин, а также наскальных изображений других местонахождений в горах Оглахты. Статуарных памятников, которыми славится окуневская культура, в Оглахты известно тоже немного: одно изваяние с личинами утрачено, два других недавно обнаружены переиспользованными в качестве камней оград курганов на могильниках более поздней тагарской культуры. Приводятся материалы раскопок окуневских погребений в могильнике Красный Яр. Раскопанный Э.Б. Вадецкой в 1972 г. в южных предгорьях Оглахты могильник содержал окуневские погребения, как впускные в некоторые курганы предшествующей афанасьевской культуры (Красный Яр I), так и самостоятельные (Красный Яр II). Они относятся к разным этапам окуневской культуры. В могильнике были найдены интересные и редкие материалы, а также здесь впервые было прослежено стратиграфически, что между афанасьевскими и впускными в них окуневскими могилами прошло не менее 100 лет (т.е. культуры не сосуществовали, как считалось ранее). Материалы могильника нуждаются в дальнейших исследованиях современными методами и в полной публикации. Автор приходит к выводу, что в горах и предгорьях Оглахты имеются свидетельства окуневской культуры разных этапов ее развития; их малочисленность по сравнению с памятниками других культур обусловлена недостаточной изученностью территории, а перспективы новых открытий и пополнения корпуса источников связаны с применением современных методов выявления и документирования объектов археологического наследия.

Ключевые слова: наскальное искусство, личины, курганы, изваяния, окуневская культура, эпоха бронзы, Оглахты, Минусинская котловина

Благодарности: работа выполнена по гранту Российского научного фонда (проект №21-78-10121). Автор выражает глубокую благодарность Л. Л. Бове, И. П. Лазаретову и Н. П. Макарову за помощь в работе над этим исследованием.

Для цитирования: Миклашевич Е. А. Личины Моховского Лога и памятники окуневской культуры в горах Оглахты // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34, №1. С. 47–74. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(1\).-03](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(1).-03).

EFFIGIES OF THE MOKHOVSKY LOG ROCK ART SITE AND THE SITES OF THE OKUNEV CULTURE IN THE OGLAKHTY MOUNTAINS

Elena A. Miklashevich

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;

"Tomskaya Pisaniitsa" Kuzbass Museum-Reserve, Kemerovo, Russia;

elena-miklashevich@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3190-0311>

Abstract. The paper considers rock art sites, statuary and funerary sites of the Okunev culture (the Bronze Age in the Minusinsk Basin) which are known within the territory of the Oglakhty mountainous massif, one of the largest archaeological complexes in the Republic of Khakassia. Among the vast number of rock art images in Oglakhty, only a few are so far attributed to the Okunev culture, which is distinguished by its art. The author introduces into scholarly circulation and describes in detail the effigies on the rocks at Mokhovskiy Log, a recently discovered rock art site; and considers the problems of their cultural and chronological attribution, as well as of some other relevant rock art images in the Oglakhty mountains. Statuary sites, which the Okunev culture is especially known for, are also not numerous in Oglakhty: one statue with a face-mask is now lost, and two others that have been recently discovered, were reused as tomb stones in the kurgan constructions of the later Tagar culture. Materials from the excavations of the Okunev burials in the Krasny Yar cemetery are also presented. Excavated by E.B. Vadeckaya in 1972 in the southern foothills of the Oglakhty mountains, the cemetery contained burials of the Okunev culture, both embedded in some barrows of the preceding Afanasievo culture (Krasny Yar I), and forming independent barrows (Krasny Yar II). They belong to different stages of the Okunev culture. Interesting and rare materials have been found in these graves; moreover, for the first time it was stratigraphically traced that at least 100 years passed between Afanasievo and embedded Okunev burials (so, the cultures did not coexist, as was previously thought). The materials obtained from the cemetery require further research by modern methods, as well as their complete publication. The author concludes that in the mountains and foothills of the Oglakhty there are evidences of the existence of Okunev culture at different stages of its development; their small (compare to the sites of other cultures) number is due to the insufficient investigation of the territory; and the prospects for new discoveries and replenishment the body of sources for the Okunev culture are associated with the application of modern methods of revealing and documenting archaeological heritage.

Keywords: rock art, face-masks, kurgans, steles, Okunev culture, Bronze Age, Oglakhty, Minusinsk Basin

Acknowledgments: the research was carried out with the support of the Russian Science Foundation (project 21-78-10121). The author is very grateful to L. L. Bove, I. P. Lazaretov and N. P. Makarov for their help in working on this study.

For citation: Miklashevich E. A. Effigies of the Mokhovskiy Log Rock Art Site and the Sites of the Okunev Culture in the Oglakhty Mountains. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2022; 34(1):47–74. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(1\).-03](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(1).-03).

Светлой памяти Эльги Борисовны Вадецкой посвящается

Введение
Окуневская культура, ее яркое искусство занимали одно из самых важных мест в научной деятельности Эльги Борисовны Вадецкой. В горах Оглахты она проводи-

ла разведки и раскопки погребальных памятников: знаменитого Оглахтинского могильника таштыкской культуры в северной части горного массива и могильника Красный Яр в его южных предгорьях, содержащего курганы и могилы разных периодов: от афанасьевской культуры до эпохи кыргызов, включая погребения окуневской культуры с редкими артефактами (Вадецкая, 1981; 1981а; 1989; Вадецкая, Грязнов, 1969; 1972). Эта статья, посвященная памяти выдающегося исследователя археологии Минусинской котловины, нацелена на публикацию в общем контексте немногочисленных, но важных свидетельств наследия окуневской культуры в горах Оглахты, в том числе из раскопок Э. Б. Вадецкой.

Личины Моховского Лога: описание памятника и проблемы атрибуции

Систематическое обследование большой территории горного массива Оглахты и его предгорий с целью выявления всех памятников и составления археологической карты продолжается и приносит свои плоды: в последние годы обнаружено несколько ранее неизвестных местонахождений наскального искусства. Так, в 2015 г. нами и Л. Л. Бове проводилось обследование скальных выходов на южных склонах северного борта Моховского лога, одного из внутренних логов горного массива. Он расположен к северу от западного конца протяженного Абрашкина лога и к западу от центральной части самого крупного в Оглахты лога — Большого (известного также как Апкашевский), разделяющего горный массив на южный и северный участки. Западный конец Моховского лога выходит между урочищами Крепость и Подкрепость в юго-западной цепи гор Оглахты; восточный (устье) — ответвляется от Большого лога. Протяженность Моховского лога — более 3 км, а участок, на котором есть выходы красноцветного девонского песчаника, располагающиеся в несколько ярусов, занимает около 0,7 км. Мы полностью обследовали все ярусы скальных выходов, многие участки которых весьма труднодоступны, и только на двух участках обнаружили наскальные изображения. Но содержание их вполне «компенсирует» немногочисленность плоскостей: среди схематичных поздних петроглифов было выявлено несколько выполненных выбивкой окуневских личин и одна нарисованная краской (Миклашевич, 2015а, с. 305–307). До этого среди тысяч зафиксированных в Оглахты наскальных изображений лишь единичные были отнесены к окуневской культуре, да и то большая часть из них — предположительно (Советова, Миклашевич, 1999, табл. 3, 4, с. 59; Миклашевич, 2015, рис. 16).

Памятник получил название «Оглахты Моховский Лог». Особенность этого местонахождения в том, что нижний ярус скальных выходов находится в самой глубине лога, на его дне, в довольно узкой расщелине, заросшей деревьями и кустарником. К нему надо спускаться по южному лесистому борту лога. На одном из участков, в укромном, закрытом со всех сторон месте, на высоте человеческого роста находится длинный узкий фриз под мощным скальным навесом (рис. 2.-1). Ширина фриза — от 30 до 60 см, общая длина достигает 6 м; это покрытый скальной коркой пласт песчаника, имеющий на разных участках разный угол уклона (от положительного в 30° в левой части до отрицательного в 10° — в правой). Ориентация его различных частей, образованных трещинами и изгибами поверхности, также варьирует, но в целом весь фриз ориентирован на юг–юго-запад. Нижняя часть скального выхода (от нижнего края фриза до ровной площадки перед ним) представляет собой разрушенный участок с утраченными слоями камня, на которых могла быть скальная корка. «Потолок» большого на-

веса, прикрывающего фриз и участок перед ним, почти горизонтальный, покрыт кальцитом и следами копоты. Все эти особенности, конечно, наводят на мысли о «святилище», а площадка перед фризом выглядит перспективной для раскопок.

Сохранность фриза неудовлетворительна. Помимо полной утраты его нижних частей (впрочем, это могло произойти и до нанесения петроглифов), отмечены обширные отслоения скальной корки (рис. 2.-2, 3), повлекшие за собой утрату фрагментов изображений, и наличие внутренних полостей, в том числе аварийных участков со слабодержавшимися фрагментами, что указывает на интенсивное развитие процесса деструкции. Самая левая часть, не прикрытая навесом, повреждена лишайником и в целом более выветрена.

Весь фриз делится вертикальными трещинами и выступами на пять условных поверхностей, обозначенных слева направо как грани А, В, С, D, Е. На всех гранях выбиты многочисленные схематичные антропоморфные фигуры, на грани Е в том же стиле выбиты изображения лучника, хищника (?) и трех антропоморфных фигур, ведущих в поводу двугорбых верблюдов. Датировка этих петроглифов не совсем ясна ввиду слабой выраженности стилистических признаков; они могут относиться к любому периоду, от поздних этапов тагарской культуры до нового времени, и вообще могли быть нанесены в разные эпохи. Наибольший интерес, конечно же, представляют перекрытые этими поздними изображениями личины на гранях В, С и, возможно, А. К сожалению, сохранились они фрагментарно и даже не сразу были нами идентифицированы как таковые среди грубых выбоин поздних наслоений. Мы увидели их в процессе удаления многовекового слоя пыли, покрывавшего поверхность фриза. Полностью детали изображений были выявлены уже на этапе лабораторного исследования, когда на основе фотопанорамы, смонтированной из снятых при направленном искусственном освещении фрагментов фриза, создавалась при сильном увеличении многослойная цифровая прорисовка (рис. 2.-2, 3).

Уверенно идентифицируются только три личины: две сохранились фрагментарно (рис. 3.-1, 2), одна — практически полностью (рис. 3.-3). Слева от первой личины на небольших сохранившихся фрагментах скальной корки прослеживаются еще остатки выбивки, в которых также можно предполагать личины, но в любом случае их иконография не определяется (рис. 2.-3). Поэтому рассмотрим только три личины, в идентификации которых мы уверены. Все они выполнены в технике выбивки. В некоторых местах прослежена тончайшая гравировка, но установить, относится ли она именно к личинам, не представляется возможным. Выбоины, образующие личины, очень разнообразны по конфигурации, размеру, глубине и частоте, зачастую даже на одном небольшом участке изображения. Они имеют круглую и продолговатую форму, некоторые в виде насечек острием инструмента, нанесенных под разными углами. Наиболее плотно друг к другу выбоины наносились при оформлении кружка глаз и рта (скорее всего, потому, что именно эти части образовывали основу изображения), а также вертикальных линий над глазами; практически все остальные линии выполнены небрежными редкими ударами, порой в один ряд. В тех местах, где это можно проследить, контуры «лиц» не выбиты, у центральной личины один глаз имеет полное «каплевидное» оформление, а другой — неполное (рис. 3.-2). В целом создается впечатление некой эскизности, незавершенности. Возможно, ли-

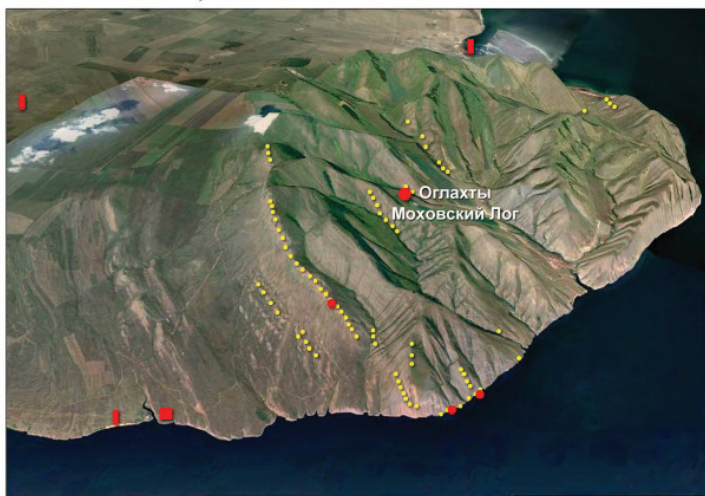
чины дорисовывались красками? Но следов пигментов на личинах и на фризе в целом нам обнаружить не удалось.

1

2

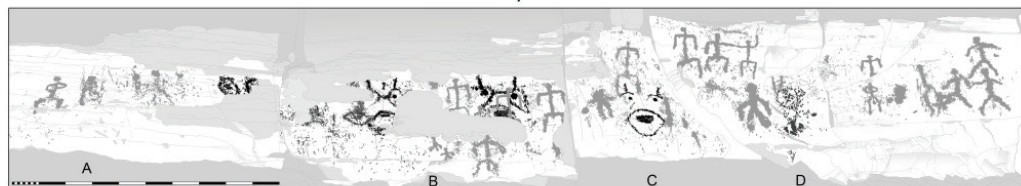
3

Рис. 1. Горный массив Оглахты: 1 — общий вид с юго-востока из устья р. Тубы (фото: автор);
2 — расположение относительно населенных пунктов и географических ориентиров;
3 — расположение рассматриваемых объектов: желтыми точками обозначены местонахождения наскального искусства, красным цветом — памятники окуневской культуры (точки — наскальные рисунки, квадрат — могильник Красный Яр, прямоугольники — изваяния и стела; на основе спутникового снимка GoogleEarth)

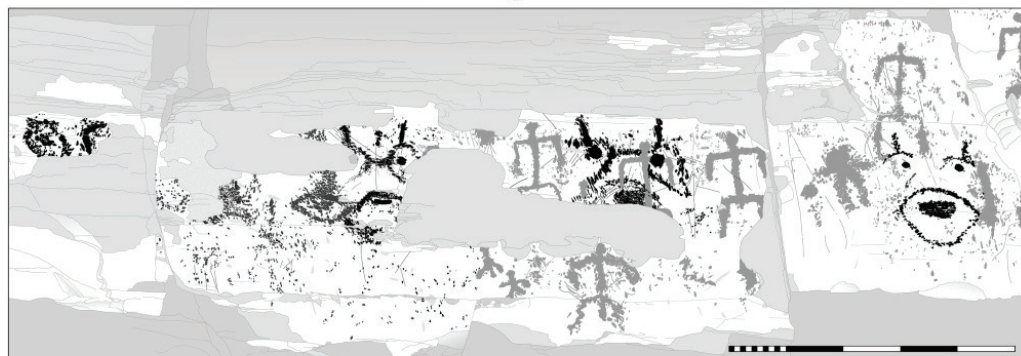
Fig. 1. Oglakhty mountainous massif: 1 — general view from the southeast, from the mouth of the Tuba river (photo: author); 2 — location relative to settlements and geographical landmarks; 3 — location of the objects considered: yellow dots indicate the rock art sites, red color is for the Okunev culture objects (dots — rock art, square — Krasny Yar cemetery, rectangles — statues and stele; based on GoogleEarth satellite image)

1

2

3

Рис. 2. Оглахты Моховский Лог: 1 — общий вид навеса и фриза с личинами, точки отмечено расположение трех центральных личин (фото: Л.Л. Бове); 2 — прорисовка граней А–D; 3 — увеличенный фрагмент центральной части (прорисовка: автор)

Fig. 2. Oglakhty Mokhovsky Log: 1 — general view of the shelter and the frieze with effigies, the dots mark the position of three central face-masks (photo: L.L. Bove); 2 — tracing of panels A–D; 3 — enlarged fragment of the central part (tracing: author)

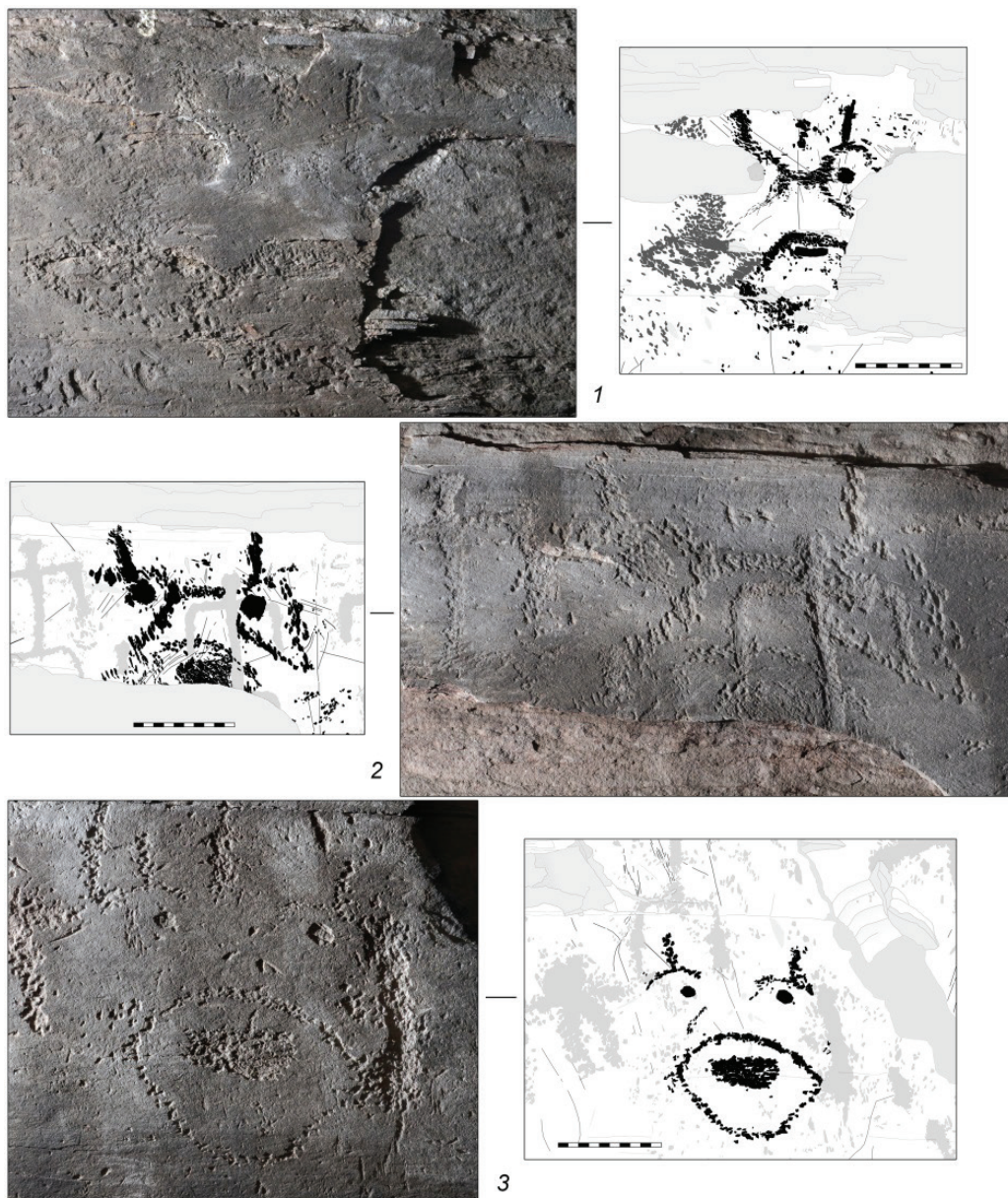

Рис. 3. Оглахты Моховский Лог. Личины на гранях В и С (фото: Л.Л. Бове, прорисовки: автор)
 Fig. 3. Oglahy Mokhovskiy Log. Face-masks on panels B and C (photo: L.L. Bove, tracings: author)

Рис. 4. Оглахты Моховский Лог, плоскость с рисованной краской личиной:
 1, 2 – общий вид: оригинальная фотография (1) и пигментная карта на ее основе (2);
 3–5 – увеличенный фрагмент с личиной: оригинальная фотография (3),
 она же с повышением контрастности и насыщенности красного (4), пигментная карта (5)
 (фото: Л. Л. Бове, обработка: автор)

Fig. 4. Oglakhty Mokhovskiy Log, panel with painted face-mask:
 1, 2 – general view: original photograph (1) and pigment map based on it (2);
 3–5 – enlarged fragment with the face-mask: original photograph (3), the same with increased
 contrast and saturation of red colour (4), pigment map (5) (photo: L. L. Bove, processing: author)

На грани В, где наблюдается наиболее угрожающее отслоение скальной корки и утрачены ее большие фрагменты, прослежены остатки двух личин. У той, что слева (рис. 3.-1), сохранился правый глаз, но определяется и левый в виде ямки (негатива выбивки) на участке отслоения; вокруг глаз были изображены контуры, конфигурацию которых из-за фрагментарности определить затруднительно: они вполне могли быть как в виде кольца, так и каплевидной формы; скорее все-таки последнее, на что указывает отсутствие нижней части кольца вокруг левого глаза и едва заметная косая линия резных штрихов вместо нее. Хорошо определяются два вертикальных отростка (луча/рога/антенны), отходящие вверх от каждого контура, а также горизонтальная линия между этими контурами. Рот в виде широкой горизонтальной линии изображен плотной выбивкой, над ним более редкими выбоинами обозначена характерная дуга и, возможно, линия нижней части лица. Личина справа (рис. 3.-2) имеет такую же иконографию, выполнена более глубокой выбивкой, и здесь можно с уверенностью говорить именно о каплевидном оформлении глаз. Личина на грани С (рис. 3.-3) сохранилась полностью, но исполнение ее носит более эскизный характер: глаза и рот нанесены плотной выбивкой, а остальные линии лишь намечены редкими отдельными ударами. В целом ее иконография та же, что и у двух других личин, но глаза оформлены только двумя короткими дугами сверху (как брови).

Еще одна личина найдена на другом ярусе скальных выходов, выше по крутому склону над фризом с навесом. Это открытая плоскость (рис. 4), ориентированная на юг-юго-восток и не защищенная навесом. Она имеет отрицательный уклон в 20°, благодаря чему не пострадала от лишайников, но из-за стекающих по ней склоновых вод покрыта натеками кальцита разной интенсивности и имеет обширные по площади утраты отслоившейся скальной корки. На одном из сохранившихся фрагментов удалось распознать едва заметные остатки нарисованного красноватой краской изображения (рис. 4.-1, 3). Обработка сделанных фотографий в программе Photoshop методом повышения контраста и насыщенности красного цвета (рис. 4.-4) и разработанным А. К. Солодейниковым [2020] методом создания пигментных карт (рис. 4.-2, 5) показала, что это верхняя часть личины, оконтуренной, с двумя глазами в виде небольших кружков и пересекающей «лицо» горизонтальной полосой под ними. Над глазами нарисованы «ушки» подтреугольной формы, придающие личине зооморфный облик. Однако продолжались ли линии выше и как именно, установить невозможно, так как поверхность камня выше них повреждена сколами и скрыта под кальцитом. Это могли быть и рога, и какой-то головной убор. Над трещиной выше «лба» прослеживаются еще другие красноватые линии, но конфигурация их не ясна. Возможно, это изображение — не просто личина, а часть полного антропоморфного образа, например такого, как на памятниках Коровий Лог, Суханиха или Усть-Туба (Леонтьев, 1978, рис. 2.-2, 3; 9.-1), так как на скальной корке, сохранившейся справа и снизу от огромного утраченного ее фрагмента ниже личины, прослеживаются остатки выполненных краской линий. Растекшиеся неясные пятна краски видны и сквозь кальцитовые потеки левее и выше личины, а также в других местах плоскости. Видимо, здесь некогда была большая рисованная краской композиция, к сожалению, почти полностью утраченная.

Что можно сказать о культурно-хронологической атрибуции личин Моховского Лога? Традиционно почти все изображения личин в Минусинской котловине относят к окуневской культуре, так как это наиболее характерный и частый образ на изваяниях и могильных плитах окуневской культуры, ее визитная карточка. Но все ли изображения личин на открытых скалах и на плитах неясного происхождения тоже окуневские? Некоторые факты заставляют задуматься над этим вопросом. Так, Ю. Н. Есин (2010, с. 70, 71, рис. 13) в связи с проблемой поиска искусства афанасьевской культуры обратил внимание на две отличающиеся от окуневских и находящиеся в композициях с изображениями животных минусинского стиля личины: на горе Георгиевской и на береговых скалах в Оглахты (Шер, 1980, рис. 88). А. Л. Заика (2014, с. 45) выделил личины «туимского» типа, которые, по его мнению, оказали влияние на формирование окуневского искусства и, следовательно, появились до окуневской культуры, «не позднее эпохи энеолита». На плите из урочища Кизань в Оглахты, заполненной изображениями эпохи поздней бронзы, имеются личины и антропоморфное изображение с моделированным лицом (Есин, 2013, рис. 10.-1; 11), которые тоже не выглядят типично окуневскими. Датировка их не ясна, так же как не ясно, одновременны ли они между собой и с другими изображениями на плите. Мы также считаем вполне вероятным появление изображений личин в Минусинской котловине в доокуневское время (Миклашевич, 2020, с. 65) и уверены в их бытовании в более поздние эпохи. Так, например, самые простые типы личин в виде трех кружков (глаза и рот) или двух кружков (глаза) с горизонтальной линией (рот), заключенные в простой контур или без него, в горах Оглахты обнаружены в композициях I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. И если ранее мы включали в число изображений окуневского времени в Оглахты подобную личину (Миклашевич, 2015, рис. 16), зафиксированную на береговых скалах (Sher et al., 1994, Oglakty I.120.4), то открытия последних лет показали, что она относится, скорее всего, к хунну-сяньбийскому времени. Личины такого типа, конечно, представлены и в окуневском искусстве, но их существование определенно не ограничивается ни временем окуневской культуры в Минусинской котловине, ни вообще территорией Минусинской котловины.

Личинам Моховского Лога мы не смогли подобрать точных аналогий в окуневских памятниках (почему и потребовалось это отступление о вероятности существования «неокуневских» личин), но составляющие их отдельные элементы такие аналогии в окуневском искусстве находят, причем в тех объектах, которые связываются исследователями с ранними (архаичными) типами личин (Леонтьев, 1978, с. 89–92; Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, с. 19, 20; Савинов, 2006, с. 157–160; Есин, 2009, с. 68–75; Заика, 2013). Такими признаками являются отсутствие «третьего глаза», линий носа и вообще сложной орнаментации, две «антенны», изображение глаз небольшими простыми кружками, каплевидное оформление вокруг глаз, а у выполненной краской личины — еще и прямая горизонтальная линия, пересекающая «лицо». Оформление нижней части «лица» у выполненных выбивкой личин в виде линий «подбородка», рта и выгнутой вверх дуги над ним также встречается у некоторых окуневских личин. Особенность и отличие заключаются в том, что эти «лица» не оконтурены, и в том, что отсутствует вертикальная линия на середине «лба». У одной из личин

(рис. 3.-1) такая линия вроде бы прослеживается, но эта выбивка может относиться и к более поздним изображениям. Вообще, наиболее близкие аналогии выбитым моховским личинам мы видим среди рисунков на скалах, а не на плитах из могил, стелах и изваяниях. Упомянем памятники Усть-Туба (Леонтьев, 1978, рис. 3; Vlednova et al., 1995, Ust'-Tuba III. 50.4) и Каменка (Миклашевич, 2020, рис. 4, 5). Стоит отметить также сходство с исполнением головы у антропоморфной фигуры на плите из афанасьевско-окуневского кургана Камышта Большое кольцо (Есин, 2009, с. 72). Выполненная краской личина находит больше соответствий среди окуневских изобразительных памятников.

На данном этапе исследований мы считаем возможным отнести обнаруженные на скалах в Моховском Логу личины к ранним стадиям окуневской культуры — уйбатскому и/или тасхазинскому хронологическим горизонтам по периодизации И. П. Лазаретова (2019). А вернее будет сказать, что не позже этого времени, так как все-таки существует вероятность того, что в Минусинской котловине какие-то изображения личин уже были на скалах до прихода окуневцев и именно они могли оказать влияние на формирование иконографии этого самого распространенного в окуневском искусстве образа, так же как, например, уже имевшиеся на скалах изображения животных в «ангарском стиле» повлияли на стиль соответствующей группы зооморфных персонажей. Пока нет достаточно данных для подобных утверждений, это лишь предположения, но их следует иметь в виду и не спешить с интерпретациями.

Другие окуневские (и предположительно окуневские) наскальные изображения в Оглахты

Рассмотрим те немногочисленные имеющие отношение к рассматриваемому вопросу изображения, которые были известны на скалах в Оглахты еще до открытия моховских личин.

На одной из плоскостей береговых скал, исследовавшихся под руководством Я. А. Шера в конце 1960-х гг. перед наполнением водохранилища Красноярской ГЭС, была обнаружена личина (рис. 5.-1-3), которая с первого взгляда представляется несомненно окуневской. У нее характерная округло-подпрямоугольная конфигурация контура «лица», примыкающие к нему окружности глаз, в том числе «третий», намечен нос, над головой имеется некая «конструкция», под головой показаны три короткие вертикальные линии. Соответствия этим признакам можно найти на многих (хотя и более детализированных) личинах, изображенных на плитах и изваяниях окуневской культуры, в основном относящихся к лебяжинской группе и второму варианту черновской (Савинов, 2006, рис. 9–11, с. 166). Однакостораживают следующие обстоятельства: 1) не изображен рот; 2) по бокам «лица» от глаз отходят спускающиеся вниз линии (иногда их интерпретируют как «косицы»), нередко встречающиеся на изображениях ранних этапов, но никогда не изображаемые с личинами такого типа; 3) личина находится в большой многофигурной композиции (Sher et al., 1994, Oglakhty I. 61.1–56), все другие изображения которой относятся к древнейшему пласту наскального искусства Минусинской котловины (контурные и силуэтные фигуры быков, лошадей, оленей и кабанов, рогатые антропоморфные персонажи

и др.) и, судя по фотографиям Я. А. Шера, выполнены такой же выбивкой, как личина. К сожалению, эта плоскость погибла. Она затапливается, а в периоды спада воды мы ее нашли и выяснили, что скальная корка с изображениями осыпалась; сама личина еще фрагментарно сохранилась (рис. 5.-3), но сравнить ее с другими изображениями и уточнить их соотношение уже невозможно. Стоит отметить и упоминавшийся выше другой загадочный случай на том же местонахождении (Sher et al., 1994, Oglakhty I. 45.11–14), где на корпусе выполненного в классическом минусинском стиле оленя изображена странная личина, также имеющая характерные «косицы», но манера изображения глаз и носа не находит никаких аналогий. Среди очень большого количества изображений животных в минусинском стиле нет больше ни одного, на туловище которого была бы изображена личина. Данная личина явно не окуневская, а вот относится ли она к древнейшему пласту или это совсем позднее добавление, непонятно. Эта плоскость тоже практически утрачена, что также не дает возможности найти какие-то ключи к ответу на вопрос, относятся ли некоторые личины к «минусинскому стилю».

В начале 1980-х гг. в экспедиции под руководством Б. Н. Пяткина на одной из плоскостей самого протяженного в Оглахты местонахождения наскального искусства на высоком склоне юго-западного фронта скал (известном под современным названием «Сорок Зубьев») было обнаружено изображение быка (вола), по стилю и иконографии несомненно окуневское (рис. 5.-4). Фигура выполнена тонкой аккуратной контурной выбивкой, местами с прошлифовкой, в безошибочно опознаваемом стиле. Первоначально изображение было скопировано методом натирки на микалентную бумагу, прорисовка с которой не передавала всех деталей. При повторном копировании плоскости в 1990 г. мы выявили, что совсем тонкой поверхностной выбивкой у быка изображена характерная окуневская петля в носу и идущий от нее к голове повод, а задние ноги, круп и частично туловище забиты более поздней грубой крупной выбивкой. Аналогичные по стилю и иконографии фигуры крупного рогатого скота с петлями-рогульками в носу хорошо известны в наскальном и монументальном искусстве окуневской культуры, в первую очередь на плитах из могильников Черновая-VIII и Разлив-X (Леонтьев и др., 2006, рис. 17.-4, 22, кат. 118, 119, 222), и это изображение можно отнести к черновскому или разливскому хронологическим горизонтам окуневской культуры по периодизации И. П. Лазаретова (2019).

На этом же местонахождении мы обнаружили и очень гармоничную выполненную силуэтной выбивкой фигуру лося с поджарым туловищем, крупной головой и ногами, раскинутыми в беге (рис. 5.-6) — т.е. со всеми признаками «ангарского стиля» (Шер, 1980, с. 186–190), только уже в той степени стилизации, которая свойственна соответствующей группе искусства окуневской культуры (Савинов, 2006, с. 160–161, рис. 2), по общему мнению, воспринявшей и переработавшей более раннюю ангарскую изобразительную традицию. К какому хронологическому горизонту окуневской культуры отнести это изображение, сказать трудно, впрочем, как трудно и провести четкую грань между собственно «ангарскими» изображениями досей из раннего пласта наскального искусства Минусинской котловины и «ангарскими окуневскими».

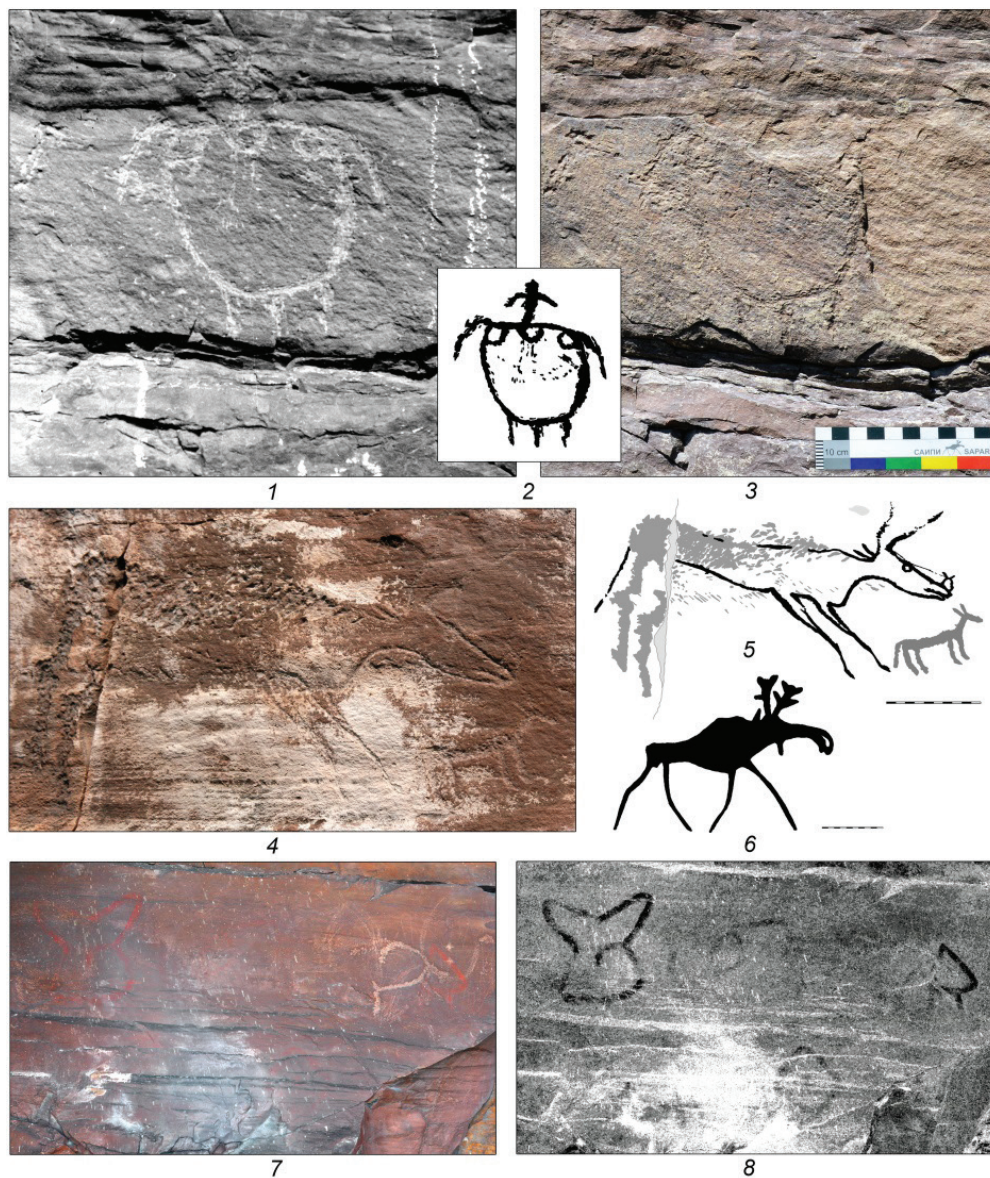

Рис. 5. Оглахты, окуневские (в том числе предположительно) наскальные изображения: 1–3 – личина на береговых скалах: фотография до затопления (1), прорисовка (2), современное состояние (3); 4–6 – петроглифы местонахождения «Сорок Зубьев»; 7, 8 – знаки в Бугаевом логу: фотография (7) и пигментная карта на ее основе (8).

Фото: Я. А. Шер (1), автор (3–5); прорисовки и обработка: автор

Fig. 5. Oglakhty, Okunev and presumably Okunev rock art imagery:

1–3 – face-mask on shore rocks: photo before flooding (1), tracing (2), current state (3);

4–6 – petroglyphs at the “Sorok Zubyev” site; 7, 8 – signs at Bugayev Log site: photo (7) and pigment map on its basis (8). Photo: Ya. A. Sher (1), author (3–5); tracings and processing: author

Наконец, имеется еще одна группа наскальных рисунков в Оглахты, которые предположительно могут быть окуневскими. Это незатапливаемый участок на береговых скалах в Бугаевом логу. На нескольких компактно расположенных плоскостях выбиты и нарисованы краской изображения животных древнейшего пласта (Миклашевич, 2015, с. 70, рис. 12). На одной из плоскостей нарисованы (красной краской и образующим белесые линии протиром) различные знаки (рис. 5.-7). Не все из них достаточно хорошо видны, но в результате обработки фотографий в программе Photoshop некоторые удалось «проявить» (рис. 5.-8). Одни из них представляют собой ромбовидные, листовидные и подтреугольные контурные фигуры, некоторые на «ножке», в некоторых внутри контура — прямые кресты. Есть отдельный прямой крест. Такая же листовидная фигура с крестами, выполненная охрой, есть на Шалаболинской писанице, где она перекрывает выбитое изображение животного минусинского стиля, на основании чего была признана окуневской (Пяткин, Мартынов, 1985, с. 123, рис. 89, табл. 40.-4); кресты же присутствуют и в другой рисованной краской композиции, которая уже без сомнений относится к окуневской культуре (там же, табл. 39.-5). Вообще на Шалаболинской писанице очень много рисунков охрой, относятся они и к раннему пласту, и к окуневской культуре, и к новому времени. В данном случае значение имеет не сам факт использования краски, а содержание. Изображения раннего пласта всегда фигуративные, знаков среди них нет. Напротив, искусство окуневской культуры характеризуется большим количеством и разнообразием знаков. Подтверждает наше предположение о том, что знаки в Бугаевом логу окуневские, еще один знак (рис. 5.-7, 8, на фото он слева) очень специфичной формы. Ему имеется аналогия на Томской писанице (Миклашевич, 2011, рис. 11, 12), изображения которой большей частью относятся к одной из культур, родственных и синхронных окуневской (соответствующий пласт наскального искусства Притомья теперь определенно относится к крохалёвской культуре (Ковтун, 2020)). Но что опять-таки вызывает некоторые сомнения в атрибуции — на плитах и стелах окуневской культуры подобные знаки не обнаружены.

Таким образом, из огромного количества разновременных наскальных изображений, известных к настоящему времени в горах Оглахты, лишь единичные можно отнести к окуневским, и то не без сомнений и оговорок (фактически только изображение быка с петлей в носу однозначно окуневское). Сомнения возникают, когда атрибуция изображений на скалах строится на поиске точных соответствий на изваяниях, стелах, плитах и предметах, происходящих из могил окуневской культуры. Однако нельзя исключать, что изображения на скалах имели свои особенности. Как имели особенности и различия предметные и статуарные изображения. К примеру, личина на гребне из окуневского могильника Красный Камень (Лазаретов, Поляков, 2018, рис. 8) тоже не находит совсем уж точных аналогий среди личин на известных окуневских плитах и стелах. В любом случае малочисленность окуневских и предположительно окуневских наскальных изображений в Оглахты не может не удивлять. Впрочем, и в близлежащих крупных комплексах наскального искусства изображения именно окуневской культуры либо не обнаружены (Жуныя, Бояры/Абакано-Перевоз, Туран), либо тоже единичны (Тепсей/Усть-Туба, Моисеиха, Суханиха), в отличие от изображений других эпох. Мы

надеемся, что продолжение исследований в Оглахты еще пополнит корпус окуневских изобразительных источников. Во-первых, пока не все участки горного массива обследованы; возможно, в каких-то труднодоступных внутренних логах-расщелинах скрываются святилища, подобные навесу в Моховском логу. Во-вторых, современными методами документирования можно выявить даже на известных плоскостях то, что ранее оставалось незамеченным: остатки гравировок, шлифовок и краски, или тонкой выбивки, забитой более грубыми поздними петроглифами.

Изваяния и стела

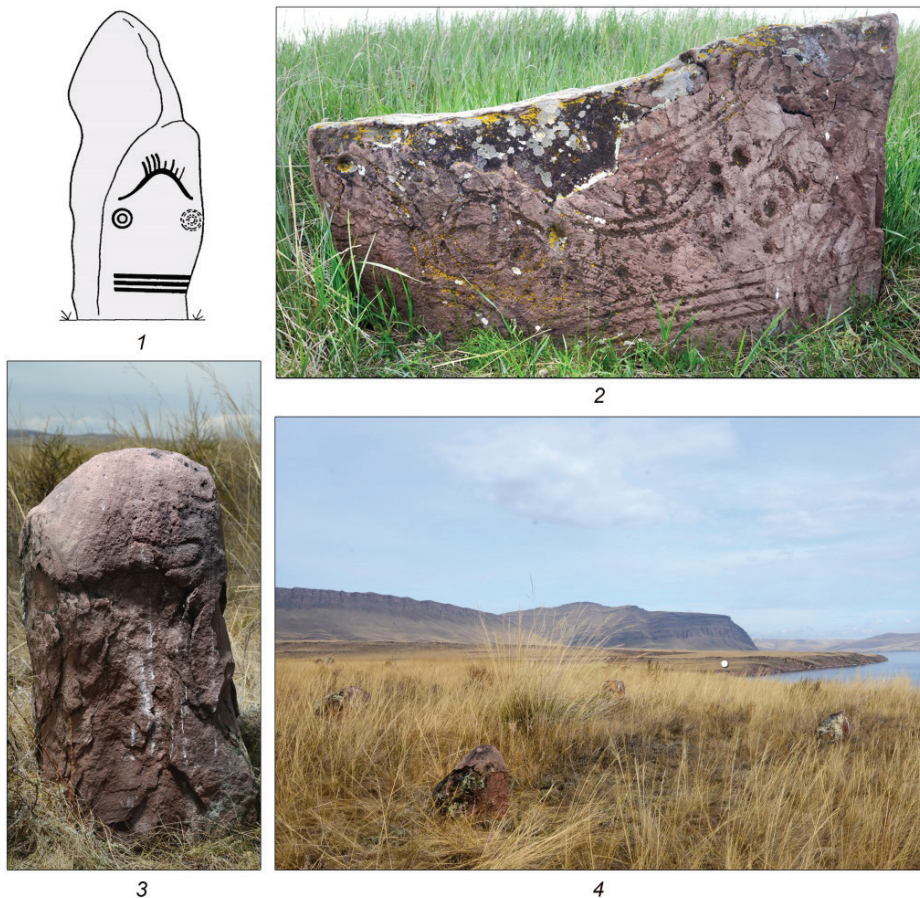

Рис. 6. Окуневские изваяния и стела в предгорьях Оглахты: 1 — по: (Вадецкая и др., 1980); 2 — стела в ограде тагарского кургана (фото: Л. Л. Бове); 3, 4 — изваяние в ограде тагарского кургана: общий вид (3), вид на фоне кургана (изваяние на переднем плане) и гор Оглахты, белой точкой обозначен могильник Красный Яр (4) (фото: автор)

Fig. 6. Okunev statues and stele in the Oglakhty foothills: 1 — after: (Vadeckaya et al., 1980); 2 — stele in the perimeter of the Tagar culture barrow (photo: L. L. Bove); 3, 4 — statue in the perimeter of the Tagar culture barrow: general view (3), view against the barrow (the statue in the foreground) and Oglakhty mountains, the white dot indicates the Krasny Yar cemetery (4) (photo: author)

Окуневских памятников монументального искусства из района Оглахты известно тоже немного. Одно изваяние (рис. 6.-1) с личиной было обнаружено М.П. Грязновым в северных предгорьях на пашне совхоза «Советская Хакасия» (скорее всего, на территории, позже затопленной водохранилищем) и зарисовано по его фотографии (Вадецкая, Леонтьев, Максименков, 1980, табл. LV, №148). Другая стела, недавно обнаруженная, также переиспользована в ограде тагарского кургана одного из могильников в степных предгорьях с западной стороны. Здесь выбита крупная сложная окуневская личина, которая, видимо, перекрывает другую, примерно того же типа, выполненную более тонкими линиями выбивки (рис. 6.-2). Личины такой иконографии представлены в черновской (2-й вариант) и кок-хаинской группах (Савинов, 2006, с. 166–168, рис. 9, 13, 16), а по аналогиям с изображениями на плитах из датированных могильников могут быть отнесены к черновскому и разливскому хронологическим горизонтам (Лазаретов, 2019, с. 43, 44). Третье изваяние, небольшое, плохо сохранившееся, также обнаружено в качестве камня ограды тагарского кургана в одном из могильников урочища Кизань в южных предгорьях Оглахты. На изваянии утрачена почти вся скальная корка, сохранилась она только в верхней части камня, имеющей округлую форму. Южная часть этого остатка корки настолько выветрена и сглажена, что на ней не прослеживаются никаких изображений, а на северо-восточной части при соответствующем освещении прослеживаются глаз в виде окружности с точкой внутри и характерно изогнутый контурный рот (рис. 6.-3). Такая иконография встречается на всех этапах окуневской культуры, кроме самых ранних. Кстати, могильник, в котором тагарцы использовали окуневское изваяние, находится лишь немного южнее могильника Красный Яр, в котором были раскопаны погребения окуневской культуры (рис. 6.-4).

Погребения могильника Красный Яр

Территория Оглахты входит в ареал окуневской культуры (Поляков, 2022, рис. 47). В непосредственной близости вокруг нее на обоих берегах Енисея находятся такие известные погребальные и изобразительные памятники окуневской культуры, как Лебяжье (Максименков, 1981; Вадецкая, 2003–2004); Красный Камень (Лазаретов, Поляков, 2018); Моисеиха (Ковалева, Леонтьев, Амзараков, 2010; Миклашевич, 2021), Мохов (Киргинев, 1997). Есть окуневские погребения и в Оглахты: в могильнике с разновременными погребениями Красный Яр, расположенном в южных предгорьях горного массива, на высокой террасе на берегу Енисея (Красноярского водохранилища), выше по течению от самой южной цепи скальных выходов урочища Кизань (рис. 1.-3; 7).

Раскопки памятника были начаты в 1930 г. В.П. Левашевой. Ею было зафиксировано 12 курганов афанасьевской культуры и четыре средневековых. Из афанасьевских В.П. Левашева раскопала шесть, и уже тогда было обнаружено, что шестой курган нарушен впускным погребением (могила 3), которое автор раскопок отнесла к «ранне-андроновским» (Левашева, 1962, с. 71), а Г.А. Максименков (1965, с. 206) — к «окуневскому этапу» (окуневская культура им была выделена позднее). Погребение было совершено в каменном ящике, кости скелета и череп разбросаны, из инвентаря сохранился лишь плоскодонный сплошь орнаментированный сосуд. Сосуд хранится в Минусинском музее, но найти его для фотографирования нам не смогли, поэтому приводим здесь (рис. 8.-1) лишь очень условный его рисунок из публикации В.П. Левашевой

(1962, рис. 3.-3) и более детализированный — С. Н. Леонтьева (2006, рис. 2.-3). С. Н. Леонтьев (2006, с. 262) отнес сосуд к «бельтыро-камыштинской группе раннеокуневского керамического комплекса». Впускное погребение кургана №6 считается самым ранним из окуневских в могильнике Красный Яр, отнесено к тас-хазинскому хронологическому горизонту (Лазаретов, 2019, с. 41).

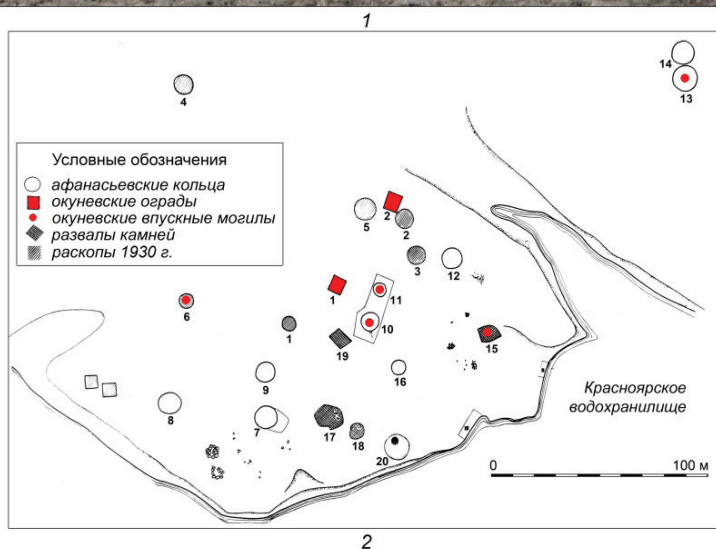

Рис. 7. Могильник Красный Яр:

- 1 — общий вид с юга, раскопки и лагерь, экспедиция Э. Б. Вадецкой;
 2 — план могильника с указанием объектов окуневской культуры.
 (По: Вадецкая, Грязнов, 1972, доработка плана: автор)

Fig. 7. Krasny Yar cemetery:

- 1 — general view from the south, excavations and camp, expedition of E. B. Vadeckaya;
 2 — plan of the cemetery indicating the Okunev culture burials in red.
 (After: Vadeckaya, Gryaznov, 1972, revision of the plan: author)

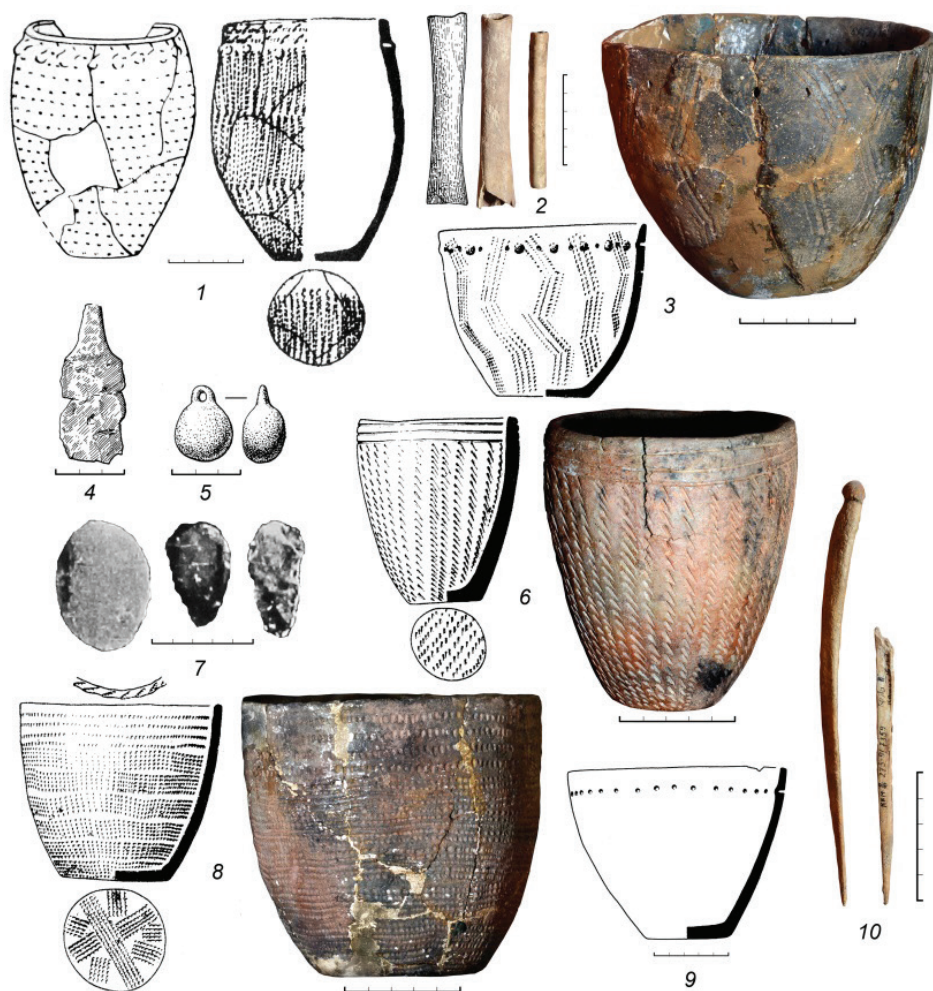

Рис. 8. Красный Яр I, инвентарь впускных погребений окуневской культуры:
1 – кург. 6, мог. 3; 2 – кург. 10, мог. 1; 3 – кург. 11, мог. 1; 4–6 – кург. 13, мог. 3; 7–10 –
кург. 15, мог. 1. 1, 3, 6, 8, 9 – керамика; 2, 10 – кость; 4 – бронза; 5, 7 – камень. Рисунки
и черно-белые фото по: Вадецкая, Грязнов, 1972; Вадецкая, 1981; 1989; 1 – по: Левашева,
1962 и Леонтьев, 2006; цветные фото: Л. Л. Бове, из экспозиции КККМ

Fig. 8. Krasny Yar I, artifacts from embedded burials of the Okunev culture:
1 – kurgan 6, grave 3; 2 – kurgan 10, grave 1; 3 – kurgan 11, grave 1; 4–6 – kurgan 13, grave
3; 7–10 – kurgan 15, grave 1. 1, 3, 6, 8, 9 – pottery; 2, 10 – bone; 4 – bronze; 5, 7 – stone.
Drawings and black-and-white photos after: Vadeckaya and Gryaznov, 1972; Vadeckaya, 1981;
1989; 1 – after: Levasheva, 1962 and Leontyev, 2006; colour photos: L. L. Bove, Krasnoyarsk
Museum display

В 1969 и 1972 гг. раскопки могильника продолжила Э. Б. Вадецкая. Она обнаружила дополнительные афанасьевские кольцевые ограды и в целом раскопала их девять. «Афанасьевская часть» могильника получила название Красный Яр I, так как в процес-

се поиска невидимых на поверхности афанасьевских оград и раскопок были найдены задернованные памятники других эпох — погребения окуневской культуры (Красный Яр II), тесинские могилы (Красный Яр III), остатки каменных сооружений (поминальников) тагарской и таштыкской культур (Красный Яр IV) и могильник эпохи кыргызов (Красный Яр V) (Вадецкая, Грязнов, 1969; 1972; Вадецкая, 1981; 1989].

Окуневский могильник Красный Яр II состоит из двух объектов: курган №1, расположенный в 12 м к северо-западу от афанасьевских оград 10 и 11, от которого сохранились развалы трех надмогильных сооружений с тремя могилами под ними (рис. 9.-1-4), и курган №2, расположенный между афанасьевскими оградами 2 и 5, от которого сохранилась четырехугольная ограда с одной могилой. Все погребения (4 мужчины, 2 женщины) совершены в грунтовых ямах.

Наибольший интерес представляет неграбленая могила 1 кургана №1 с интересными редкими находками. В ней обнаружены полные скелеты мужчины и женщины (рис. 9.-4) в возрасте 25–30 лет, убитых в грудь стрелами с кремневыми наконечниками (рис. 10.-2). На левой руке мужчины лежал предмет, от которого сохранились две односторонне выпуклые пластины из рога благородного оленя, шириной до 1,5 см, общей длиной 110 см (рис. 10.-1). Э.Б. Вадецкая (1981а, с. 16) предположила тогда, что это обкладки лука — по их расположению в могиле, размерам и форме, а главное, по сходству с костяными обкладками длинных луков неолитических погребений Ангары. Позже она добавила, что «по мнению М.П. Грязнова, костяные пластины Красного Яра II и прибайкальских могил служили обкладками не лука, а иного предмета, возможно, жезла, посоха» (Вадецкая, 1989, с. 279). Другой редкий предмет находился у пояса мужчины — бронзовый кинжал с рукояткой из кости (рога?) (рис. 10.-6). Э.Б. Вадецкая (1981а, с. 16) предположила, что у остальных окуневских бронзовых ножей/кинжалов, от которых сохранились только лезвия/клинки, могли быть аналогичные рукоятки из дерева. Остальные находки в этой могиле: костяное шило с остатками деревянной ручки и бронзовое кольцо рядом с кинжалом, пастовый бисер вдоль костей правой руки (рис. 10.-5, 7) — у мужчины; медные височные кольца, пастовый бисер у шеи и под ребрами, а также орнаментированный сосуд (рис. 10.-3, 4) — у женщины. Могилы 2 и 3 кургана №1 были грабленые, в них сохранились части мужских скелетов, а также четырехгранное бронзовое шило с фигурной роговой рукояткой в могиле 2 (рис. 10.-8) и обломки орнаментированного сосуда в заполнении могилы 3 (рис. 10.-9).

Единственная могила второго кургана также была грабленая, она содержала разрозненные кости двух скелетов, похороненных один над другим: мужчины (внизу) и женщины (сверху) 25–30 лет. Рядом с женщиной лежали бронзовый нож, бронзовое шило с костяной рукояткой, стеатитовые (аргиллитовые?) бусины, игольник из кости птицы (рис. 10.-10–13), костяная игла и резец сурка. В заполнении также найдены кости собаки, птицы, череп тайменя и ребра другой рыбы.

Погребения Красного Яра II, по мнению проанализировавшего этот комплекс И.П. Лазаретова, относятся «не ранее чем к финалу тасхазинского хронологического горизонта, а скорее к началу лебяжинского» и предположительно датируются XXIV в. до н.э. (Лазаретов, 2019, с. 37, 42).

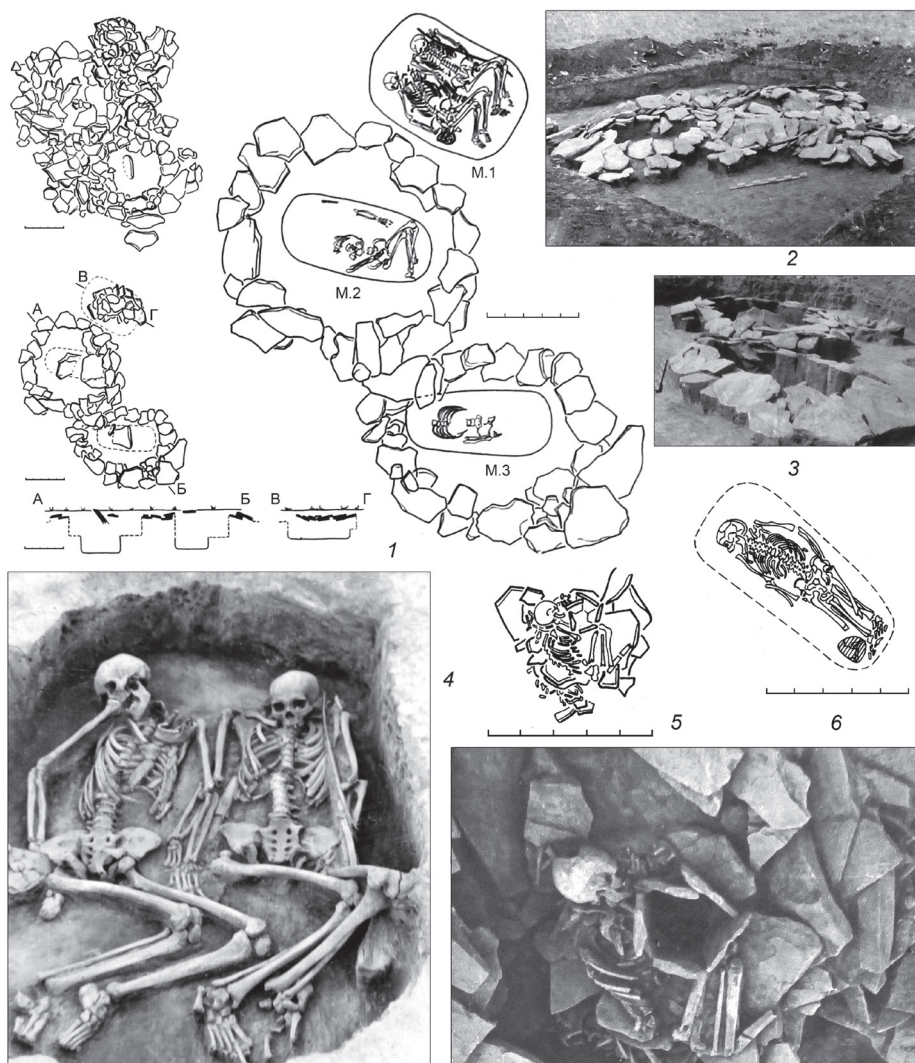

Рис. 9. Могильник Красный Яр, погребения окуневской культуры:
 1–4 – Красный Яр II, кург. 1: 1 – последовательность раскопок;
 2, 3 – развалы куполообразных надмогильных конструкций;
 4 – парное неграбленное погребение в мог. 1;
 5, 6 – Красный Яр I, впускные окуневские погребения в афанасьевском кург.
 10: 5 – мог. 1, чертеж и фото, 6 – мог. 4. Чертежи и фото по: (Вадецкая, Грязнов, 1972)

Fig. 9. Krasny Yar cemetery, burials of the Okunev culture:
 1–4 – Krasny Yar II, kurgan 1: 1 – excavation sequence;
 2, 3 – remains of domed grave structures; 4 – double intact burial, grave 1;
 5, 6 – Krasny Yar I, embedded Okunev burials in the Afanasiev culture kurgan
 10: 5 – grave 1, drawing and photo, 6 – grave 4.

Рис. 10. Красный Яр II, инвентарь погребений окуневской культуры:
 1–7 – кург. 1, мог. 1; 8 – кург. 1, мог. 2; 9 – кург. 1, мог. 3; 10–13 – кург. 2, мог. 1. 1, 6, 7, 8,
 10, 13 – кость/рог; 3, 9 – керамика; 2, 11 – камень; 6, 8, 10, 12 – медь, бронза; 5 – паста.
 Рисунки и черно-белые фото по: (Вадецкая, Грязнов, 1972; Вадецкая, 1981; 1981а; 1989);
 цветные фото: Л. Л. Бове, из экспозиции КККМ

Fig. 10. Krasny Yar II, artifacts from burials of the Okunev culture:
 1–7 – kurgan 1, grave 1; 8 – kurgan 1, grave 2; 9 – kurgan 1, grave 3; 10–13 – kurgan 2, grave
 1. 1, 6, 7, 8, 10, 13 – bone/horn; 3, 9 – pottery; 2, 11 – stone; 6, 8, 10, 12 – copper, bronze;
 5 – paste. Drawings and black-and-white photos: (Vadeckaya, Gryaznov, 1972; Vadeckaya, 1981;
 1981a; 1989); colour photos: L. L. Bove, Krasnoyarsk Museum display

Другие окуневские погребения, раскопанные Э.Б. Вадецкой, являются впускными в курганы могильника афанасьевской культуры Красный Яр I. Всего обнаружено пять могил с девятью погребенными. Одни погребены в ямах, другие — в каменных ящи-

ках, но это не во всех случаях достоверно определяется из-за разрушенности. Все могилы грабленные или разрушенные по другим причинам, кроме, вероятно, могилы 1 в кургане №15.

В могиле 1 кургана №10 погребена женщина 40–50 лет, около ее груди сооружен пятиугольный ящичек из плит (рис. 9.-5), под подбородком лежали три костяных трубочки (рис. 8.-2). В могиле 4 того же кургана погребен мужчина 20–30 лет (рис. 9.-6), кости его скелета не нарушены, за исключением того, что берцовые лежали между тазобедренными (по предположению Э. Б. Вадецкой (1981, с. 44), отрублены, чтобы поместить в короткую яму). В ногах лежал неорнаментированный сосуд. В могиле 1 кургана №11 находились разрозненные кости четырех скелетов: мужчины 40–50 лет, женщин 20–30, 30–40 и 40–50 лет. Из инвентаря сохранился один орнаментированный сосуд (рис. 8.-3). В могиле 3 кургана №13 была погребена девочка 7–8 лет, с нею найдены обломки бронзовых шила и ножа, пастовая бисеринка, каменная подвеска с петелькой и орнаментированный сосуд (рис. 8.-4–6). В ненарушенном каменном ящичке могилы 1 кургана №15 были погребены женщина 40–50 лет и юноша 16–17 лет. С ними найдены два галечных отщепа, один кремневый, два сосуда, две костяные проколки (рис. 8.-7–10).

И. П. Лазаретов относит эти впускные окуневские погребения к более позднему времени, чем впускное погребение Красного Яра I, раскопанное В. П. Левашевой в кургане №6, и чем погребения Красного Яра II: «скорее всего, к самому финалу лебяжинского хронологического горизонта», и предположительно датирует XXIII в. до н. э. (Лазаретов, 2019, с. 42).

Особое значение раскопок впускных окуневских могил Красного Яра заключалось в том, что впервые удалось проследить стратиграфическое соотношение окуневских и афанасьевских погребений: «между окуневскими и афанасьевскими погребениями здесь отмечен значительный слой земли. Значит, срок между сооружениями обеих культур был достаточно долгим, так как окуневские могилы впущены в уже провалившиеся надмогильные сооружения и полузапльвшие ямы афанасьевской культуры. И тем самым материалы Красного Яра отрицают сосуществование этих культур, во всяком случае на территории средней части Енисея» (Вадецкая, 1981, с. 62). По исследованиям последних лет выявлена и еще одна особенность: «данный комплекс интересен тем, что в могильнике Красный Яр I мы имеем, пожалуй, самый поздний вариант впускных окуневских погребений в афанасьевские курганы. В дальнейшем для этих целей использовались только собственные, окуневские ограды» (Лазаретов, 2019, с. 37).

Заключение

Материалы окуневской культуры из могильника Красный Яр заслуживают дальнейшего исследования и специальной полной публикации. Вышеприведенные описания и иллюстрации мы составили по разным источникам: опубликованные статьи (Левашева, 1962; Вадецкая, 1981; 1981а; 1989), отчет о полевых исследованиях (Вадецкая, Грязнов, 1972), описи и коллекции Красноярского музея. При этом мы столкнулись с тем, что имеются разночтения и несогласованности в этих материалах, отсутствие или не всегда удовлетворительное качество рисунков и фотографий артефактов, отсутствие или неясность сведений по некоторым аспектам. Была предпринята попытка фотосъемки всех материалов раскопок, но эту задачу выполнить не удалось. Большая часть артефак-

тов экспонируется в Красноярском музее в витрине, их фотографии приведены в иллюстрациях. Остальные материалы в фондах найти пока не получилось. А это и керамика, и кремневые наконечники стрел, и отщепы, и бронзовый нож, и каменная подвеска и др. И самое главное — роговые накладки, назначение которых до сих пор не ясно. Не удалось найти и сосуд из раскопок В. П. Левашевой в фондах Минусинского музея. У нас нет сомнений, что новое подробное документирование всего комплекса инвентаря из Красного Яра и тем более его исследование с помощью современных технологий (определение материалов, трасология, макросъемка, анализ состава металла, датирование естественно-научными методами и т. д.) могут дать какую-то новую информацию об этом значимом памятнике и об окуневской культуре в целом.

Как отметила Э. Б. Вадецкая, раскопки на Красном Яре вряд ли следует считать завершенными, там могли остаться нераскопанными незаметные на поверхности окуневские ограды (Вадецкая, 1972, с. 19). Это означает также вероятность того, что они могли быть не замечены и на других участках обширной территории Оглахты. Огромное количество известных курганов в межгорных долинах и степных предгорьях Оглахтинских гор выявлено по хорошо заметным визуально каменным конструкциям или высоким насыпям. Очевидно, не меньшее количество погребальных памятников другого типа и других эпох (а также стоянок, поселений, ритуальных и производственных площадок и т. п.) таится в земле. Применение современных методов археологической разведки вселяет надежду, что какую-то часть скрытого пока от нас наследия можно выявить. Так, например, удивительные результаты показала аэрофотосъемка с последующей фотограмметрической обработкой и применением различных инструментов анализа данных, осуществленная недавно для исследования знаменитого грунтового таштыкского могильника в северной части Оглахты (Водясов и др., 2021). Очевидно, что в Оглахты окуневы жили и активно осваивали эту территорию, причем, судя по приведенным материалам, на разных этапах развития культуры. Применение новых методов выявления и документирования археологических памятников (в том числе наскальных изображений) позволяет надеяться на пополнение в будущем корпуса источников по окуневской культуре в горах Оглахты.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Вадецкая Э. Б. Афанасьевский могильник Красный Яр // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск : Наука, 1981. С. 33–62.

Вадецкая Э. Б. Предметы вооружения из могил окуневской культуры // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Наука, 1981а. С. 13–21.

Вадецкая Э. Б. Археологический комплекс под горой Оглахты // Памятники истории и культуры Красноярского края. Вып. 1. Красноярск : Красноярское кн. изд-во, 1989. С. 272–279.

Вадецкая Э. Б. Рисунки на плитах окуневского могильника у с. Лебяжье на правом берегу Енисея // Вестник Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. 2003–2004. Вып. 6–7. С. 8–17.

Вадецкая Э. Б., Грязнов М. П. Отчет о разведках и раскопках разведочной группы Красноярской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1969 г. // Архив ИА РАН. Р.-1, №4141.

Вадецкая Э. Б., Грязнов М. П. Отчет о раскопках 1972 г. под горой Оглахты (левый берег Енисея) // Архив ИА РАН. Р.-1, №5568.

Вадецкая Э. Б., Леонтьев Н. В., Максименков Г. А. Памятники окуневской культуры. Л. : Наука, 1980. 148 с.

Водясов Е. В., Панкова С. В., Зайцева О. В., Вавулин М. В. Оглахтинский могильник: история открытий, планиграфия и современное состояние // Сибирские исторические исследования. 2021. №3. С. 6–23.

Есин Ю. Н. Тайна богов древней степи. Красноярск : Поликор, 2009. 184 с.

Есин Ю. Н. Проблемы выделения изображений афанасьевской культуры в наскальном искусстве Минусинской котловины // Афанасьевский сборник. Барнаул : Азбука, 2010. С. 53–73.

Есин Ю. Н. Петроглифы «Шаман-камня» (гора Оглахты, Хакасия) // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2013. №1 (5). С. 66–81.

Заика А. Л. Сердцевидные личины в петроглифах Южной Сибири // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2013. №1 (5). С. 35–51.

Заика А. Л. Личины «туимского» типа в петроглифах Среднего Енисея // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. IV. Казань : Отечество, 2014. С. 41–45.

Киргиников Э. Н. Окуневский курган около у. Мохов // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб. : Петро-РИФ, 1997. С. 128–133.

Ковалева О. В., Леонтьев Н. В., Амзараков П. Б. Раскопки афанасьевского могильника под горой Моисеиха в 1959 году // Афанасьевский сборник. Барнаул : Азбука, 2010. С. 108–121.

Ковтун И. В. Хронология главной плоскости Тутальской писаницы // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2020. Вып. 11. С. 13–44.

Лазаретов И. П. Хронология и периодизация окуневской культуры: современное состояние и перспективы // Теория и практика археологических исследований. 2019. №4 (28). С. 15–50.

Лазаретов И. П., Поляков А. В. Могильник Красный Камень — погребально-ритуальный комплекс ранней бронзы // Теория и практика археологических исследований. 2018. №2 (22). С. 21–46.

Левашева В. П. Афанасьевский могильник Красный Яр в Хакасии // Историко-археологический сборник. М. : МГУ, 1962. С. 62–73.

Леонтьев Н. В. Антропоморфные изображения окуневской культуры (проблемы хронологии и семантики) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Неолит и эпоха металла. Новосибирск : Наука, 1978. С. 88–118.

Леонтьев Н. В., Капелько В. Ф., Есин Ю. Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан : Хакаское кн. изд-во, 2006. 236 с.

Леонтьев С. Н. К вопросу о керамической традиции окуневской культуры Среднего Енисея // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб. : СПбГУ, 2006. С. 260–272.

Максименков Г. А. Впускные могилы окуневского этапа в афанасьевских курганах // Советская археология. 1965. №4. С. 204–208.

Максименков Г. А. Могильник окуневской культуры у села Лебяжье // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск : Наука, 1981. С. 91–110.

Миклашевич Е. А. К изучению техники нанесения изображений Томской писаницы // Историко-культурное наследие Кузбасса (актуальные проблемы изучения и охраны памятников археологии). Вып. III. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2011. С. 132–155.

Миклашевич Е. А. Комплекс памятников наскального искусства Оглахты: информационный потенциал и перспективы исследования // Научное обозрение Саяно-Алтая. Археология. 2015. №1 (9). С. 54–77.

Миклашевич Е. А. Новые местонахождения наскального искусства в горном массиве Оглахты (Хакасия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXI. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2015а. С. 303–307.

Миклашевич Е. А. Памятники наскального искусства Оглахтинского хребта: перспективы номинирования в Список всемирного наследия ЮНЕСКО // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения). Кемерово : Кузбассвузиздат, 2016. С. 268–273.

Миклашевич Е. А. Изображения личин на скале из урочище Каменка на Среднем Енисее // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2020. Вып. 12. С. 54–66.

Миклашевич Е. А. Наскальные изображения окуневской культуры на горе Моисеиха (Средний Енисей) // Проблемы истории, филологии и культуры. 2021. №2 (72). С. 165–187.

Наскальные изображения Оглахты. Альбом. Абакан : Государственный природный заповедник «Хакасский», 2017. 160 с.

Поляков А. В. Хронология и культурогенез памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин. СПб. : ИИМК РАН, 2022. 364 с.

Пяткин Б.Н., Мартынов А.И. Шалаболинские петроглифы. Красноярск : Изд-во Красноярского гос. ун-та, 1985. 192 с.

Савинов Д. Г. О выделении стилей и иконографических групп изображений окуневского искусства // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб. : СПбГУ, 2006. С. 157–190.

Советова О. С., Миклашевич Е. А. Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово : КемГУ, 1999. С. 47–74.

Солодейников А. К. Методы работы с плохо различимыми цветными изображениями // *Universum Humanitarium*. 2020. №1. С. 214–231.

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М. : Наука, 1980. 328 с.

Blednova N., Francfort H.-P., Legtchilo N., Sacchi D., Sher J. A., Smirnov D., Soleilhavoup F., Vidal P. Tepsej I–III, Ust'-Tuba I–VI (Russie, Khakassie). Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. Fascicule 2: Sibérie du Sud 2. Paris : Diffusion de Boccard, 1995. 153 p.

Sher J. A., Blednova N., Legchilo N., Smirnov D. Oglakhty I–III (Russie, Khakassie). Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. Fascicule 1: Sibérie du Sud 1. Paris : Diffusion de Boccard, 1994. 156 p.

REFERENCES

- Vadeckaya E. B. Afanasyev Culture Cemetery of Krasny Yar. In: Problems of West Siberian Archaeology. Stone and Bronze Age. Novosibirsk : Nauka, 1981. Pp. 33–62. (*In Russ.*)
- Vadeckaya E. B. Weaponry from the Okunev Culture Graves. In: Military Affairs of Ancient Tribes of Siberia and Central Asia. Novosibirsk : Nauka, 1981a. Pp. 13–21. (*In Russ.*)
- Vadeckaya E. B. Archaeological Complex Near the Oglakhty Mountain. In: Monuments of History and Culture of the Krasnoyarsk Krai. Vol. 1. Krasnoyarsk : Krasnoyarskoe kn. izd-vo, 1989. Pp. 272–279. (*In Russ.*)
- Vadeckaya E. B. Decorated Stone Slabs from the Okunev Burial Ground at Lebyazhie Village on the Right Bank of the Yenisei. *Vestnik Sibirskoj Associacii issledovatelej pervobytnogo iskusstva = Bulletin of Siberian Association of Prehistoric Art Researchers*. 2003–2004;6–7:8–17. (*In Russ.*)
- Vadeckaya E. B., Gryaznov M. P. Report on Prospecting and Excavation of the Krasnoyarsk Expedition of LBIA AS USSR in 1969. Archives of the Institute of Archaeology RAS. R.-1, N4141. (*In Russ.*)
- Vadeckaya E. B., Gryaznov M. P. Report on Excavation in 1972 near the Mount of Oglakhty (left bank of the Yenisei). Archives of Institute of Archaeology RAS. R.-1, N5568. (*In Russ.*)
- Vadeckaya E. B., Leont'ev N. V., Maksimenkov G. A. Monuments of the Okunev Culture. Leningrad : Nauka, 1980. 148 p. (*In Russ.*)
- Vodyasov E. V., Pankova S. V., Zayceva O. V., Vavulin M. V. Oglakhty Burial Ground: the History of Discoveries, Planigraphy and the Present State. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya = Siberian Historical Studies*. 2021;3:6–23. (*In Russ.*)
- Esin Yu. N. The Secrets of the Gods of the Ancient Steppe. Krasnoyarsk : Polikor, 2009. 184 p. (*In Russ.*)
- Esin Yu. N. Problems of the Attribution of the Afanasyev Culture Imagery in the Minusinsk Basin Rock Art. In: Collection of Papers on the Afanasyev Culture. Barnaul : Azbuka, 2010. Pp. 53–73. (*In Russ.*)
- Esin Yu. N. Petroglyphs of the “Shaman-Stone” (Oglakhty Mountain, Khakassia). *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya = Sayan-Altai Scientific Review*. 2013;1(5):66–81. (*In Russ.*)
- Zaika A. L. Heart-shaped Face-Masks in Petroglyphs of South Siberia. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya = Sayan-Altai Scientific Review*. 2013;1(5):35–51. (*In Russ.*)
- Zaika A. L. Face-masks of the “Tuim” Type in Rock Art of the Middle Yenisei. In: Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan. T. IV. Kazan : Otechestvo, 2014. Pp. 41–45. (*In Russ.*)
- Kirginekov E. N. Okunev Barrow near Mokhov Ulus. In: Collective Papers on the Okunev Culture. Culture. Art. Anthropology. St. Petersburg : Petro-RIF, 1997. Pp. 128–133. (*In Russ.*)
- Kovaleva O. V., Leont'ev N. V., Amzarakov P. B. Excavation of the Afanasievo Burial Ground next to the Moiseikha Mountain in 1959. In: Collection of Papers on the Afanasyev Culture. Barnaul : Azbuka, 2010. Pp. 108–121. (*In Russ.*)
- Kovtun I. V. Chronology of the Main Panel of the Tutalskaya Pisanitsa. *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika “Tomskaya Pisanitsa” = Scientific Notes of the “Tomskaya Pisanitsa” Kuzbass museum-reserve*. 2020;11:13–44. (*In Russ.*)
- Lazaretov I. P. Chronology and Periodization of the Okunev Culture: Current State and Prospects. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archeological Research*. 2019;4(28):15–50. (*In Russ.*)

Lazaretov I. P., Polyakov A. V. The Burial Ground of Krasny Kamen as a Funerary and Ritual Complex of the Early Bronze Age. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2018;2(22):21–46. (In Russ.)

Levasheva V. P. Afanasiev Culture Cemetery of Krasny Yar in Khakassia. In: Collection of Papers on History and Archaeology. Moscow : MGU, 1962. Pp. 62–73. (In Russ.)

Leont'ev N. V. Anthropomorphic Images of the Okunev Vulture (problems of chronology and semantics). In: Siberia, Central and East Asia in Antiquity. Neolithic and Metal Age. Novosibirsk : Nauka, 1978. Pp. 88–118. (In Russ.)

Leont'ev N. V., Kapel'ko V. F., Esin Yu. N. Statues and Steles of the Okunev Culture. Abakan : Hakasskoe kn. izd-vo, 2006. 236 p. (In Russ.)

Leont'ev S. N. To the Question on a Ceramic Tradition of the Okunev Culture of the Middle Yenisei. In: Collection of Papers on the Okunev Culture 2. Culture and Its Surroundings. St. Petersburg. : SPbGU, 2006. Pp. 260–272. (In Russ.)

Maksimenkov G. A. Embedded Graves of the Okunev Stage in the Afanasyev Culture Barrows. *Sovetskaya arheologiya = Soviet Archaeology*. 1965;4:204–208. (In Russ.)

Maksimenkov G. A. The Cemetery of the Okunev Culture near the Lebyazhye Village. In: Problems of West Siberian Archaeology. Stone and Bronze Age. Novosibirsk : Nauka, 1981. Pp. 91–110. (In Russ.)

Miklashevich E. A. To the Study of the Technique of Rendering the Tomskaya Pisanitsa Rock Art. In: Historical and Cultural Heritage of Kuzbass (actual problems of studying and protection of archaeological sites). Vol. III. Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 2011. Pp. 132–155. (In Russ.)

Miklashevich E. A. The Complex of Oglakhty Rock Art Sites: Information Potential and Research Prospects. *Nauchnoe obozrenie Sajano-Altaja. Arheologija = Sayan-Altai Scientific Review. Archaeology*. 2015;1(9):54–77. (In Russ.)

Miklashevich E. A. New Rock Art Locations in the Oglakhty Mountainous Massif in Khakassia. In: Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Vol. XXI. Novosibirsk : IAET SO RAN, 2015a. Pp. 303–307. (In Russ.)

Miklashevich E. A. Rock Art Sites of the Oglakhty Ridge: Prospects for Nomination to the UNESCO World Heritage List. In: Archaeological Heritage of Siberia and Central Asia (Problems of interpretation and preservation). Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 2016. Pp. 268–273. (In Russ.)

Miklashevich E. A. Effigies on a Rock in the Kamenka Ravine on the Middle Yenisei. *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika «Tomskaya Pisanitsa» = Scientific Notes of the “Tomskaya Pisanitsa” Kuzbass Museum-Reserve*. 2020;12:54–66. (In Russ.)

Miklashevich E. A. Rock Art Images of the Okunev Culture on the Moiseikha Mountain (Middle Yenisei). *Problemy istorii, filologii i kul'tury = Problems of History, Philology and Culture*. 2021;2(72):165–187. (In Russ.)

Rock art of the Oglakhty. Album. Abakan : Gosudarstvennyj prirodnyj zapovednik «Hakasskij», 2017. 160 p. (In Russ.)

Polyakov A. V. Chronology and Cultural Genesis of the Paleometal Epoch Monuments in the Minusinsk Basin. St. Petersburg : IIMK RAN, 2022. 364 p. (In Russ.)

Pyatkin B. N., Martynov A. I. Shalabolino Petroglyphs. Krasnoyarsk : Izd-vo Krasnoyarskogo gos. un-ta, 1985. 192 p. (In Russ.)

Savinov D. G. On the Attribution of Stylistic and Iconographic Groups in the Okunev Culture Art. In: Collection of Papers on the Okunev Culture 2. Culture and its Surroundings. St. Petersburg : SPbGU, 2006. Pp. 157–190. (*In Russ.*)

Sovetova O. S., Miklashevich E. A. Chronological and Stylistic Features of the Middle Yenisei Petroglyphs. In: Archaeology, Ethnography and Museum Studies. Kemerovo : KemGU, 1999. Pp. 47–74. (*In Russ.*)

Solodeynikov A. K. Methods of Work with Poorly Discernible Colour Images. *Universum Humanitarium*. 2020;1:214–231. (*In Russ.*)

Sher Ya. A. Petroglyphs of Middle and Central Asia. Moscow : Nauka, 1980. 328 p. (*In Russ.*)

Blednova N., Francfort H.-P., Legtchilo N., Sacchi D., Sher J. A., Smirnov D., Soleilhavoup F., Vidal P. Tepsej I–III, Ust'-Tuba I–VI (Russie, Khakassie). Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. Fascicule 2: Sibérie du Sud 2. Paris : Diffusion de Boccard, 1995. 153 p. (*In French*)

Sher Ja., Blednova N., Legchilo N., Smirnov D. Oglakhty I–III (Russie, Khakassie). Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. Fascicule 1: Sibérie du Sud 1. Paris : Diffusion de Boccard, 1994. 156 p. (*In French*)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Миклашевич Елена Александровна, научный сотрудник Центра палеоискусства Института археологии РАН, г. Москва, Россия; старший научный сотрудник Кузбасского музея-заповедника «Томская Писаница», г. Кемерово, Россия.

Elena A. Miklashevich, Researcher at the Palaeoart Centre in the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Senior Researcher at the “Tomskaya Pisanitsa” Kuzbass Museum-Reserve, Kemerovo, Russia.

*Статья поступила в редакцию 11.01.2022;
одобрена после рецензирования 16.02.2022; принята к публикации 21.02.2022.*

*The article was submitted 11.01.2022;
approved after reviewing 16.02.2022; accepted for publication 21.02.2022.*